Овадия Мони 29.07.05.

Россія. — 2005. — 23–29 июня. — с. 18

Последний внук Мейерхольда

Мони Овадия: «Русская культура укажет Европе путь в будущее»

«Итальянский сезон» представил в Москве театральную версию романа Исаака Бабеля «Конармия» Театра Стабиле из Болоньи в постановке и с участием Мони Овадия. Со сцены актеры говорили на русском, идише, украинском, итальянском, пели «Вихри враждебные», «Тачанку»; звучали стихи Маяковского, мелькали кадры из кинохроник — лица Ленина, подлинных красноармейцев. С известным итальянским авангардистом Мони Овадия беседовал наш корреспондент.

«Революция должна служить людям, а не наоборот...»

Беседовала Майя Мамаладзе

— До «Конармии» Бабеля вы инсценировали русских классиков?

— Не ставил, но читал почти всех на итальянском, сейчас растет желание прочесть на русском. Самое большое впечатление в жизни на меня произвели «Братья Карамазовы» Достоевского. Я родился в 1946 году в Болгарии, в еврейской семье, и ощущаю, что мое сердце, моя душа и разум принадлежат больше не Италии, а славянской культуре.

— Почему вы выбрали для постановки именно Бабеля?

— Дело в том, что все мое послевоенное поколение в Европе было охвачено марксистскими идеями. В итальянском лицее, где я учился, преподаватели были марксисты. Мы также читали Ленина, Троцкого, я лично прочел бесконечно много про русскую революцию. В нас крепло убеждение, что и мы должны совершить свою. И еще, меня всегда интересовало взаимоотношение русской и еврейской культуры.

— Вы и ваше поколение остались на прежних идейных позициях?

— Сознаю, мы были очень наивны. Но многие идеалы, которые мы тогда имели, для меня до сих пор живы. Для меня как для еврея — в особенности антифашизм. Мы с группой друзей в зале на шестьсот человек 9 мая сыграли в Милане спектакль, посвященный шестидесятилетию победы в Великой Отечественной войне. Мы никогда не забудем подвиг русских людей, которые вернули миру свободу. Но я не мог не быть шокированным, когда прочитал материалы XX съезда КПСС. Сталин был для нас мифом, символом борьбы против мирового нацизма и фашизма. Далее я прочел Варлама Шаламова, Солженицына, и все это не могло не изменить мое отношение. Думаю, если бы я жил при сталинском режиме, меня бы постигла участь Бабеля, Мейерхольда, Мандельштама, Михоэлса, я был бы среди жертв. Но нельзя смешивать преступления репрессивно-бюрократической советской системы с судьбой простых советских людей, пожертвовавших своими жизнями ради светлых идеалов.

— В романе «Конармия» у Бабеля революция повернута к читателю отнюдь не самым человеческим лицом, а вы в своей постановке, как мне показалось, впадали временами в ее романтизацию?

— В чем, я считаю, была самая главная ошибка революции: она пыталась подогнать человека под себя. Но человек — не божество из железа или из камня, а слабое существо, противоречивое, со своими амбициями, своими мыслями, достоинствами и недостатками. У Бабеля есть персонаж — еврей-старьевщик Гедали, он симпатизирует революции, но в то же время хочет ходить в синагогу по субботам и не усматривает в этом противоречия. Именно эта позиция импонирует мне в Бабеле: он поворачивает революцию лицом к простому человеку, она должна служить людям, а не наоборот, человек — мертвым идеалам революции.

— Вы видите в этом ошибку только Октября?

— Всех революций. В конце каждая революция становится диктатурой, и государство превращается в полицейское. Но я считаю, что и капитализм не дает человеку счастья. Американские капиталисты говорят, что все будут счастливы, если вкладывать деньги в рынок. Но с помощью денег американский президент не лучшим образом правит судьбами мира. Кто президент Италии? Берлускони — самый богатый человек в стране, а может, и в Европе. Обществом правят деньги, а современный человек не очень-то счастлив. Поэтому мои убеждения остались левыми. Думаю, мы должны стремиться к другой форме общества. Построенной не на политической власти денег, а на идеалах свободы личности и социальной справедливости.

— Скажите, а как приняли вашу «Конармию» в Италии?

— Спектакль имел большой успех. Многие зрители плакали. Историю революции, которую показал в «Конармии» Бабель, они поняли как прекрасный сон, который в какой-то момент обернулся кошмаром. Для меня главными стали слова Гедали об Интернационале хороших людей. Идеалы «нового мира», «братства всех людей» — интернациональны, поэтому публика реагировала на них и на красный флаг, на смерть хрупкой балерины в красном, понимая как гибель идеалов революции. Некоторые же из публики испытывали ощущение дискомфорта. Хочу объяснить один важный момент. В правительстве Италии сейчас влиятельна партия, которая провозгласила себя наследниками фашизма, поэтому есть люди, подпавшие под правительственную кампанию дискредитации антифашистов на телевидении, радио, в печати.

— Значит, Россия так же продолжает волновать сознание итальянцев, как и ваше?

— Да, огромный интерес ко всему, что приходит из России! Гастроли театра Додина в Италии всегда проходят с триумфом, он приезжал много раз. Продюсер, с которым я работаю над моими спектаклями, как раз и привозил их в Италию. «Братья и сестры», «Клаустрофобия» имели невероятный успех, публика разбивалась в пух и прах для того, чтобы попасть на них. Юрий Любимов, Таганка — для итальянцев легенда. Я очень дружу с Юрием и его женой. Анатолий Васильев и его «Школа драматического искусства» чрезвычайно почитаемы в Италии. Я считаю, что культура России, наследие ее послереволюционных лет непременно должны быть привнесены в культуру объединенной Европы. И именно русская культура укажет Европе путь в ее будущее. Весь театр двадцатого века родился здесь. Главные — Станиславский и Мейерхольд.

— А в фойе Таганки у Любимова висят еще две «театральные иконы» кроме Станиславского и Мейерхольда, это — Вахтангов и Брехт. Имеют они для вас значение?

— Как я мог забыть! Вахтангов — режиссер легендарного «Гадибука» в студии, из которой вырос еврейский театр «Габима». Я изучал материалы о нем и поставил свой «Диббук», посвященный жертвам холокоста, а не по тексту Семена Ан-ского, как Вахтангов, но постоянно апеллировал к его спектаклю. В моих ближайших планах инсценировать неизвестного Брехта. Одно немецкое издательство опубликовало его новые рассказы.

— А как вы пришли в Театр Стабиле в Болонье?

— В Италии соотношение такое — пол-еврея на тысячу других итальянских граждан. У меня никогда не было задачи создать театр только для них. Я создавал интернациональную модель театра многих языков. Я уверен, любая культура, имеющая глубокие корни, разговаривает со всем миром. И оказался прав, и теперь очень известен в Италии, на моих спектаклях залы всегда полны. Директор театра в Иерусалиме в 1998 году сказал на моем спектакле «Мама, мамеле, мамма, мамуля», идущем на 14 языках: «Я тебе завидую, ко мне молодежь не ходит».

— Где вы показывали спектакль о мамах?

— В «Пикколо театро ди Милано», историческом старом здании, где Стрелер ставил своего «Арлекина». Джорджо Стрелер очень любил меня. Все мои спектакли шли на его сцене, как и в театре Болоньи, но «Пикколо» их никогда не инициировал. Я очень благодарен команде пригласившего меня театра в Болонье, что они фактически реализовали мою мечту. С тех самых пор, как стал что-то понимать в театре, я стремился поставить русские произведения. А уж о том, что с этим спектаклем приеду в Россию, я и мечтать не мог.

— Вы упомянули великого Стрелера, бесконечно любимого русской публикой. А превосходные кинозарисовки сделаны для вашего спектакля Мауро Контини, работавшим с Кармело Бене — побывавшем в начале 90-х в России итальянце, оказавшем необыкновенное влияние на мировой авангард. Мне показалось, его эстетика наряду с театральной традицией, представленной в России Любимовым, имеет для вас немалое значение?

— Контини предложил мне Болонский театр, где некогда Кармело Бене представлял свои гениальные постановки, и я был просто счастлив. Бене был одним из тех пяти живых классиков, убедивших меня, что в театре есть место для меня, и воздействовавших на мое творчество. Остальные четверо — это Тадеуш Кантор, с которым мне довелось работать, Ежи Гротовский, Питер Брук и Пина Бауш. И я — последний из самых маленьких внуков Мейерхольда, надеюсь.

176